

Глава 4

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРНЫЙ АУА

Хозяйство горных районов в позднесоветское время

Уяснение того, что из себя представляло хозяйство горных районов в результате экономических и политических преобразований, необходимо для лучшего понимания социальной среды, которая явилась основной базой миграционных процессов. В изложении материалов мы будем кратки, в основном ссылаясь на выводы фундаментальных исследований этнографа М.-З. О. Османова по данному вопросу и вопросам, с ним связанным [Османов М. 1996; 2002].

Каким оказался результат масштабных трансформаций?

Преобразования, начатые в ранние периоды советской истории, интенсивно происходили с середины 1950-х и до конца 1980-х гг. В итоге удельный вес и соотношение главных отраслей сельского хозяйства в проекции на основные природно-хозяйственные зоны республики существенно изменился. Если в конце XIX—начале XX в. в Дагестане выделялось три хозяйственно-культурных типа (ареала): равнинных пашенных земледельцев — стационарных скотоводов, среднегорных пашенных земледельцев и отгонных скотоводов и высокогорных подвижных¹ скотоводов и пашенных земледельцев, то к рассматриваемому времени картина стала иной. Три хозяйственно-культурных ареала трансформировались в два: равнинно-предгорный ареал земледельцев, механизаторов, ирригаторов и стационарных скотоводов и горный ареал отгонных скотоводов и земледельцев. Это явилось результатом создания при советской системе «сдаточно-распределительной» (командно-административной) системы, когда прямой хозяйственный обмен между населением разных ареалов был заменен планируемой из республиканского и союзного центров специализацией отраслей хозяйства и объемов производства.

Прямой обмен заменили хозяйственно-снабженческие и торговые операции централизованного характера (регион, район поставляет по плану свою продукцию и по плану же получает, в соответствии с имеющимися у планирующих органов ресурсами, необходимые для потребления материалы и продукты) [Османов М. 2002: 77].

Значительные капиталовложения в развитие земледелия в равнинной зоне, проводившаяся там же ирригация и механизация трудоемких процессов

¹ Подвижность в данном случае подразумевала большую роль в хозяйственных практиках горцев данной зоны форм организации выпаса скота, сопровождавшихся частичным отходом населения [Османов М. 1996: 169], т. е. своеобразными перекочевками, о которых говорилось ранее.

превратили этот ареал в основного поставщика зерна и кормовых культур для скота. В создавшихся условиях в среднегорье террасное земледелие и сенокосение пришли в упадок.

Наглядный пример механизации и более производительного труда в другой, весьма благополучной зоне действовал расхолаживающе, создавая представления об излишней тяжести, непроизводительности и даже никчемности собственной работы. В результате крестьянин, создавший прекрасные образцы террасовых полей, отличавшийся исключительной трудоспособностью и трудолюбием, забрасывал свою террасу и покупал необходимую ему муку в магазине. А чтобы купить в магазине, ему надо было иметь деньги, для чего он уходил на заработки в город... легкий, дешевый привозной хлеб привел к упадку земледелия [Там же: 18, 125].

Кризис земледелия (при увеличении садоводческой отрасли) [Там же: 19] в среднегорном поясе оказался настолько ярко выраженным, что сам этот район в экономическом отношении стал подобен высокогорью; местные колхозы и совхозы в хозяйственном плане сконцентрировались на отгонном скотоводстве.

Параллельно с этим происходили изменения и в экономике высокогорной зоны. Одновременно с выделением значительных сельхозугодий горным хозяйствам в равнинной зоне республики происходил процесс вытеснения дагестанских животноводов с зимних пастбищ соседних республик, вследствие чего стала исчезать база подвижного скотоводства, уступая место и ведущую роль в хозяйстве отгонной форме животноводства. При этом дополнительная созданная при советской власти кормовая база кутанных хозяйств значительно превосходила таковую горных сельскохозяйственных предприятий в местах их основной локализации², что приносило в их основную деятельность определенные элементы стационарности. Это, в частности, обуславливалось потребностями улучшения породности скота, так как высокопродуктивные крупные виды скота плохо приспособлены к тяжелым условиям отгонного скотоводства. В 1953 г. на равнине на весь год в Кочубейской зоне отгонных пастбищ горными хозяйствами было оставлено 3—4 тыс. меринсов, через одиннадцать лет поголовье «оставленного» мелкого рогатого скота достигло уже 150 тыс. Поскольку в дальнейшем удельный вес породного скота неизменно возрастал, то увеличивалось и количество скота, оставляемого горными хозяйствами на равнине. Практически то же происходило в связи со стремлением улучшить породу крупного рогатого скота, тем более что он менее приспособлен для отгона. В результате горные хозяйства в 1970—1980-е гг. особенно активно стали строить животноводческие фермы и комплексы на равнине, где круглогодично содержалось около 50 % принадлежавшего им поголовья скота [Там же: 49, 62—63].

Как отмечает М.-З. О. Османов, наделение общественных хозяйств угодьями на равнине сблизило хозяйственные типы среднегорья и высокогорья,

² К концу 1970-х гг., когда в основном завершилось перераспределение сельскохозяйственных угодий в республике, горные общественные хозяйства имели около 1 млн. га земель на равнине, в том числе 75 тыс. га пашни, 30 тыс. га сенокосов и 689 тыс. га пастбищ, тогда как в горных местностях они располагали 678,5 тыс. га угодий, в том числе пастбищ 476,3 тыс. га. Хозяйства Дахадаевского района получили на равнине более 60 тыс. га, при собственных горных 37 865 га; схожая картина фиксировалась и по другим горным районам [Османов М. 2002: 129, 157].

преобразовав их фактически в один хозяйственный тип. Причем если в высокогорье основное направление хозяйственной деятельности лишь получило дальнейшее развитие, то в среднегорье отгонное скотоводство из паритетной отрасли хозяйства превратилось в господствующую. А поскольку среднегорье отличала общая бедность пастбищными угодьями, то подобная трансформация оказалась возможной только в условиях целенаправленной переспециализации в рамках сдаточно-распределительной системы [Там же: 30, 51, 129—130, 132].

Коль скоро хозяйства горных районов в новых условиях стали преимущественно специализироваться на скотоводстве, то вопрос о кормовой базе обрел особую актуальность. Его решали путем расширения площадей под кормовые культуры, так что в 1985 г. они составили 43 % от всей посевной площади республики, но и этого оказалось недостаточно. Сухость климата Дагестана обуславливала бедность местных сенокосных угодий. Площадь зимних пастбищ в равнинной зоне республики также постоянно увеличивали, однако излишне большое количество выпасаемого скота создавало чрезвычайные нагрузки на местные пастбища со скудной растительностью [Там же: 57—58]. Трудности были на всех направлениях решения данной проблемы. И это очевидно свидетельствовало о том, что был преодолен допустимый к местным условиям уровень содержания поголовья мелкого рогатого скота, который оценивается в 3,2—3,5 млн. голов [Там же: 49].

Принципиальное изменение хозяйственной направленности горных районов имело результатом массовое забрасывание там обрабатываемых земель — с 1960-х гг. в горном Дагестане в запустение пришло 100 тыс. га пашни. Там появилась неизвестная ранее залежь, превращавшаяся в целину. Весь прирост посевных площадей горных хозяйств, фиксировавшийся в статистических сводках, происходил исключительно за счет земель, выделенных им в равнинной зоне, на кутанах. 60,4 % сельскохозяйственных угодий, 63 % пашни, 10 % всех многолетних насаждений хозяйств горной зоны находились на территории равнинных районов. Более 70 % производственной базы их хозяйств размещались там же. От земель, закрепленных на плоскости, колхозы горных районов получали около 65 % общего объема производимой ими продукции сельского хозяйства [История 1989: 223]. Однако урожайность на новых землях горных хозяйств была более чем в два раза ниже, чем в местных хозяйствах равнинной зоны. В свою очередь, и урожайность возделываемых участков в горных районах в последние десятилетия XX в. оказалась на несколько порядков ниже, чем в прошлом, до коллективизации [Османов М. 2002: 143, 146, 159, 173].

Население горных районов постепенно уменьшалось; за период с 1970 г. по 1985 г. соответствующий показатель составил 7,9 % (наибольшее снижение наблюдалось в Акушинском, Гергебильском, Гунибском, Дахадаевском, Кулинском и Лакском районах, а основной его причиной являлось выбытие жителей). Правда, в начале второй половины 1980-х гг. в ряде горных районов отмечался прирост трудоспособного населения, в частности мужчин. В этих условиях, даже при уменьшении абсолютного числа жителей в горных районах, проблема трудовой занятости населения оставалась весьма и весьма острой. В одной из статей по данной проблеме приводились неутешительные данные середины 1980-х гг. В одном из совхозов Хивского района на 1670 трудоспособных в производстве принимали участие 534 человека, постоянной же работой было охвачено 260 человек, средний заработок составлял 66 руб.,

средний возраст работающих — 48 лет. Подобная картина была характерна для всей горной зоны республики. Относительно ситуации в одном из хозяйств Ахвахского района автор отмечал: «Количество работников до 22 лет нестабильно, поскольку эту группу, как правило, составляют выпускники школы, отрабатывающие в колхозе год для поступления в учебные заведения, и демобилизованные воины, не все из которых определили себе место жизни и работы. Уменьшение более чем в два раза удельного веса следующей возрастной группы (от 22 до 25 лет) свидетельствует о том, что многие покидают село». И далее относительно одного из социальных последствий наблюдавшихся явлений: «В некоторых высокогорных селениях девушки в возрасте 22—23 лет не вышли замуж, хотя традиционно время вступления в брак — 17—18 лет. Прежде всего это связано с выездом юношей на работы...» Там же приводились факты отрицательных последствий укрупнения сельскохозяйственных предприятий и широкого преобразования колхозов в совхозы; данные последствия были как финансово-экономического порядка в отношении предприятий, так и социально-психологического для их работников (дальнейшее их удаление от причастности к вопросам хозяйственно-экономической жизни своих селений) [Басин 1988: 44—45].

С учетом всего комплекса этих и многих других обстоятельств с конца 1970-х гг. строились планы социально-экономического развития горной зоны республики, нацеленные на обеспечение трудовой занятости населения. Одни специалисты считали перспективными для горных районов в качестве трудоемких отраслей хозяйства садоводство, овощеводство с приоритетным развитием картофелеводства, овцеводство [Эскеров 1986: 25—31]. Другие рентабельными для экономики горной зоны признавали нагул скота, коневодство, пчеловодство, безотгонное овцеводство и козоводство, оленеводство [Басин 1986: 185—186]. Все сходились в мнении о необходимости создания в горных селениях филиалов промышленных предприятий трудоемких отраслей производства. С этого времени начала реализовываться принятая правительством республики программа комплексного социально-экономического развития горных территорий (программа «Горы»). На развитие горных хозяйств выделялись значительные денежные средства, в ряде районных центров и в крупных населенных пунктах данной зоны появились промышленные предприятия (филиалы Кизлярского, Астраханского, Каспийского и других заводов). Однако глобальный (включая экономический и финансовый) кризис в стране свернул начинания, реальных изменений в экономике горных территорий не произошло.

С конца 1980-х гг. и в первой половине 1990-х гг. в свете новой государственной политики по реорганизации сельского хозяйства — ликвидации колхозов и совхозов особые надежды стали возлагать на обращение крестьянина к земле как радетьельного ее собственника — через те или иные формы организации семейных подрядов, фермерских хозяйств и т. п., однако, по большому счету, эти надежды не оправдались.

От общей характеристики экономической жизни горных районов обратимся к примерам существования сельских обществ горной зоны в последний период.

Разные судьбы

В данном случае речь пойдет о селениях, лишь слегка, в большей или меньшей степени, затронутых переселениями. В отличие от ряда полностью

покинутых жителями горных селений, они существуют, испытывая различного порядка трудности. Горский облик Дагестана сохранился и жив, хотя подвергся значимым трансформациям.

Агульское селение Рича. Там в середине первого десятилетия XXI в. сохранился совхоз (в первой половине 1990-х гг. от него отделилось небольшое — в 60 хозяйств — селение Бедюг, жители которого организовали собственный колхоз). Совхозного скота (мелкого рогатого) тогда было голов 300 (в советское время его насчитывалось 12 тыс.), но на совхозных кутанах, что сохраняются в Каякентском районе, не бывает меньше 1,5 тысячи голов, остальной скот — частный. Люди держат относительно много скота: мелкого рогатого — около пяти тысяч голов, крупного рогатого — около одной тысячи³. Раньше каждое хозяйство для содержания совхозного скота отдавало 9 стогов (*фур*) скошенного сена, себе оставляя только один. Лето 2005 г. было засушливым, заготовить сена удалось слишком мало, так что пропорции разделения заготовленного сена были прямо противоположными. Под посевы и огороды используют участки, доставшиеся еще при нормальном функционировании совхоза. Возвращения к «дедовским участкам» не планируется — «иначе война», да к тому же значительный отток населения снял остроту земельного вопроса. Сенокосы распределяются ежегодно, организуют это мероприятие директор совхоза и администрация селения.

Депутаты сельской администрации — 13 человек, по количеству участков, на которые разделено селение, большинство — 40-летние. Совета старейшин не существует (он, по оценке некоторых сельчан, мог бы и участвовать в решении сельских дел, но глава администрации — человек средних лет — «не хочет делиться властью»). Имам в решении хозяйственных дел селения активного участия не принимает. Сам он человек молодого возраста («молодой пацан», 1983 г. р., занимался вольной борьбой, был победителем соревнований в Южном Дагестане), уроженец Рича, семь лет обучавшийся в исламском университете в Махачкале (учился по собственной инициативе, но жители села в годы учебы собирали для него средства). «Народ имама слушается», но обращаются к нему, когда необходимо совершить свадебные, похоронные и т. п. обряды. Мечеть (построена ориентировочно в X—XII вв., восстановлена в 1992 г.) посещает почти все население аула; и если среди стариков имеются те, кто отказываются ходить в нее, молодежь ходит «от всей души».

В настоящее время в Рича насчитывается 280 хозяйств, еще сто семей, хотя и прописаны в селении, живут в городах. В Махачкале их насчитывается 150—160, в Дербенте — 120—130, в Каякентском районе (пос. Дружба) — 30—40 и т. д. по убывающей. Кроме того, в Орловской области проживают около 30 семей, в Саратовской — 30—40 семей, есть ричинцы, живущие в

³ Информант — зам. главы администрации в 2005 г. держал 4 коровы, 1 теленка и 24 овцы. В настоящее время личный мелкий рогатый скот разделен на три отары. Чабанам платят по 8 или больше рублей с головы скота и в год делают два *кусура*, который состоит из 7 хлебов, килограмма сыра и стакана топленого масла. Чабаны и пастухи приходят и говорят хозяину: «Сегодня ты кусур делаешь». Кроме того, чабаны имеют право два месяца в сезон доить скот для себя, из молока делают сыр, килограмм овечьего сыра стоит 250 руб. Соответственно, их доход от продажи сыра может составлять около 250 тыс. руб. Сыр продают перекупщикам, агульцам, обосновавшимся в городах. Скотину на продажу в основном забирают даргинцы-перекупщики, «на месте продавать выгоднее, чем самому возить».

Воронежской области, на Курильских островах, в Туркмении, в Германии. В чужих местах (вне Дагестана) живут и работают (в российских деревнях в основном занимаются откормом телят) до тех пор, пока дела идут хорошо, скопив денег и заработав на пенсию, возвращаются на родину [ПМЮК, № 1794: 62 об.—71 об.]⁴.

Тогда же в некогда довольно крупном даргинском селении Чираг (в 1940-е гг. в нем было 350 хозяйств), расположенном в Агульском районе, число хозяйств не достигало и 8 десятков (среди 318 постоянных жителей 82 учащихся школы, 160 пенсионеров, из них 28 инвалидов). В начале 1980-х гг. всем чирагцам предлагали переселиться на плоскость, тогда они отказались, но теперь в города и в равнинные районы уезжают ежегодно по 7—8 семей. Чирагцы проживают в Махачкале, Каспийске, Дагестанских Огнях и т. д. Прежнее коллективное хозяйство было преобразовано в МУП (муниципальное унитарное предприятие), в собственности которого было около 2 тыс. голов мелкого рогатого скота и примерно 200 голов крупного рогатого скота. Сохранялись отгонные зимние пастбища в Дербентском и Каякентском районах (1,3 тыс. га) и летние пастбища в горах своего и Дахадаевского районов (11 тыс. га); селхозугодья в виде пастбищ и сенокосов составляли около 7 тыс. га. За сельской администрацией числилось 5 тыс. га. В 2005 г. было создано первое и пока единственное фермерское хозяйство (4 брата, 3 сестры + родители, итого человек 10; выращивали бычков), арендовавшее у этой администрации 500 га. Сельские жители сдавали в МУП заготовленное сено; порядок и пропорции сдачи в те годы были такими же, как в Рича. МУП едва сводил концы с концами. В нем сохранялась кое-какая техника: 2 комбайна, 2 пресс-подборщика (для сена), 1 гусеничный трактор. Трактором обрабатывали пахотные наделы жителей селения, вспахать одну сотку стоило 14 руб.; деньги шли трактористу и директору МУПа. Приусадебные участки формировались приблизительно из 20 соток хорошей земли («где можно сажать картофель») и 10 соток на горном склоне. Периодически, раз в 3—5 лет, участки перераспределяли по жребию (в распределении участков активное участие принимали женщины). Обосновавшиеся в городах чирагцы обращались к сельской администрации с просьбой о выделении им участков для строительства «дач». Депутаты сельской администрации (5 человек от 5 кварталов — ветврач, тракторист, кладовщик, шофер, все старше 60 лет) приняли решение выделять им по 10 соток. Земельных излишков ныне изрядное количество [ПМЮК, № 1794: 56—60].

Реалии наших дней — кризисное состояние многих некогда мощных джамаатов.

Таково положение Кумуха, большая часть коренных жителей которого переехали жить в города, а в столице Лакии обосновались переселенцы из ближних и отдаленных лакских и не только селений. Как говорят коренные жители, таких как они теперь в Кумухе едва ли не 15 % населения или даже просто столько же семей, и это сказывается на всех сторонах жизни сельского общества. Схожее положение дел в других райцентрах горной зоны — в Уркарахе, Хучни, Ботлихе, Агвали, а также в Кубачи — где число переселенцев из окрестных селений сравнялось или уже превысило количество коренных жителей. Данные процессы, происходившие в 1970—1980-е гг., отслеживали социальные географы [Глезер 1988: 133, 135; Сергеева 1988: 181]. Переселенцам нужны земельные наделы под строительство и для ведения хозяйства, и

⁴ Умерших на чужбине практически всегда привозят хоронить на родину.

они их получают от администраций, часто в обход джамаата, что вызывает конфликты [ПМЮК, № 1794: 5; № 1802: 15 об., 21, 40].

В целом печально современное положение Чоха, чьи богатые овцеводы, торговцы и солидные чины на российской службе в конце XIX в. возводили для себя настоящие дворцы и где в середине XX в. функционировал один из богатейших колхозов-миллионеров. Ныне о былом величии и богатстве этого аула свидетельствуют лишь ветшающие здания необычной для горных районов архитектуры. Из Чоха (в конце XIX в. его население составляло 1,5 тыс. чел.) вышло огромное количество высокообразованных людей, сделавших себе карьеры как в Дагестане, так и за его пределами и прославивших родное селение⁵. Но эта «гордость селения» обернулась для него неоднозначными последствиями. Обосновавшиеся «там» и «там» чохцы в последние годы съезжаются на родину в «день Чоха», который отмечается во второе воскресенье августа; каждый раз праздник имеет тематический план: в 1997 г. он был посвящен художнику Халил-Беку Мусаясулу, в 1998 г. — знаменитому борцу Али Алиеву, в 2000 г. — чохцам-деятелям искусств, в 2001 г. — чохским просветителям (истории местной школы), в 2002 г. — воинской славе Чоха. Чохцы-«гости» после праздника разъезжаются по новым местам жительства. А среди постоянных обитателей селения все увеличивается количество переселившихся в него из других аулов и районов (они составляют от 20 до 50 %); переселенцы — не только аварцы «своего» Гунибского и соседнего Чародинского районов, но также и даргинцы. Переселение начало приобретать массовый характер в 1950-е гг. Тогда коренные жители выезжали на учебу в города, местный богатый колхоз (говорят, что на трудовень в нем числились в 20 раз больше, чем в других хозяйствах) приглашал на работу чабанами, пастухами и т. д. жителей других мест. Те охотно соглашались — помимо солидных заработков, в Чохе и «выгоны расположены близко к селению, так что удобно держать скот». Колхоз выделял участки под строительство. Первые благополучно устроившиеся в Чохе переселенцы потянули за собой родственников, и процесс пошел.

В период расцвета (1950—1960-е гг.) в местном колхозе было около 10 овцеводческих бригад, в каждой по 6—8—10 тыс. голов скота. Колхоз владел

⁵ Данные о выдающихся чохцах помещены в «Справочнике адресов и телефонов уроженцев с. Чох. Гунибского р-на», который имеет подзаголовок «...и некоторые сведения о чохцах в период 1840—2003 годов» ([Махачкала, 2004]; спонсор издания — гендиректор «Дагтелекома» Мусиев М. М.). В нем указывается, что до революции из Чоха вышли: маршал Турции — 1, генералы Турции и Ирана — 2, полковники русской армии — 13, подполковники русской армии — 4, офицеры русской армии — более 100... всадники — 380, наибы имама Шамиля — 12, начальники округов Дагестана — 4, наибы округов Дагестана — 22, помещики (владельцы кутанов и пастбищ в горах) — 14, овцеводы, имевшие свыше 3 тыс. голов скота каждый, — 11, заводчик (владелец двух типографий и завода в Темир-Хан-Шуре) — 1... В селении до революции было школ (медресе) — 1, грамотного населения 16 %, больниц — 0, мечетей — 7. После революции: красные партизаны — 120 чел., герои гражданской войны, кавалеры ордена Красного знамени — 10; военные: генерал — 1, полковники — 12, подполковники — 30, майоры — 53, офицеры — 815, в том числе офицеры медицинской службы — 495. Руководящие кадры: 2-й секр. Дагестанского обкома ВКП(б) — 1, член ВЦИК СССР — 2, наркомы ДАССР — 5... министр ДАССР — 1, председатель Верховного суда ДАССР — 3, председатель совнархоза — 1... 1-е секретари городских, окружных райкомов КПСС — 20... Ученые: 25 докторов наук (из них 15 медики), 116 кандидатов наук и 2008 чел. с высшим образованием.

хорошими летними пастбищами в Цунтинском и Тляратинском районах (где были обустроены 3 молочные фермы, на которых производился сыр), а также удобными зимними пастбищами на равнине. В настоящее время в прикутанном хозяйстве «Чох» остались три животноводческие бригады (ныне — агрофирма). В начале 1990-х гг. хозяйство стало нерентабельным — себестоимость продукции (шерсти, мяса, молока и др.) оказалась слишком высокой. Единственный доход приносило производство молока, которое возили продавать в город, а на вырученные деньги приобретали горюче-смазочные материалы (цены на которые в то время значительно выросли). Хозяйство брало кредиты, но не могло их вернуть, и разваливалось. Сейчас в горах работает только одна бригада.

Недалеко от Чоха в направлении райцентра Гуниб расположено селение Чох-Коммуна. Его в 1920—1930-е гг. основали чохцы-коммунары, заложившие на пустошах фруктовые сады. В настоящее время Чох-Коммуна по числу жителей превосходит свою бывшую метрополию. Однако и это еще сравнительно недавно процветавшее хозяйство испытывает большие экономические трудности. Выращиваемые абрикосы продаются частным скупщикам по весьма низким ценам, а те вывозят их на продажу в Россию.

Агрофирма в прикутанном хозяйстве функционирует тоже с трудностями, ее связи с горным Чохом почти полностью разорваны. Жители последнего (сейчас в селении осталось всего около 120 хозяйств) едва ли не бедствуют, в некогда знаменитой школе, давшей образование столь значительному количеству известных людей, с каждым годом уменьшается количество учащихся, классы закрываются. Несколько лет назад один чохец, баллотировавшийся в Госдуму, с целью организации своей предвыборной кампании начал строительство корпуса филиала Каспийского завода точной механики. В Госдуму его не избрали, завод остался недостроенным. Другой чохец-предприниматель решил организовать в этом здании спортивный зал и медресе. Многие чохцы отнеслись к подобной идее скептически [ПМЮК, № 1783: 86—87 об., 90—93, 95 об.].

В нескольких километрах от Чоха расположено не менее знаменитое аварское селение Согратль. Оба селения в свое время были партнерами по Андалальскому союзу общин и едва ли не постоянными конкурентами в сфере влияния на политическую жизнь округа. И хотя они имеют много общего, различия в судьбе каждого заметны, особенно за последние полсотни лет.

Согратль был центром восстания 1877 г., за что пострадал — был полностью разрушен. Новое селение было построено рядом с прежним. Отноительно истории аула можно еще сказать, что местный джамаат по-своему заботился о «равновесии» собственной структуры, так что если и принимал к себе переселенцев, то включал их в состав наиболее малочисленного тухума. Тухумы в заново отстроенном селении занимали разные кварталы. Мужчины каждого тухума устраивали собственные пирушки, а затея политического активиста 1920-х гг. «объединить весь джамаат» путем установления традиции «общеджамаатских пиров» не прижилась. Несмотря на подобные факты, согратлинский джамаат проявлял завидную прочность.

Чохцы, сравнивая согратлинцев с собою (в подобных сравнениях проглядывают оттенки уязвленного самолюбия), помимо «хитрости» соседей отмечают разумную предусмотрительность последних — те не принимали в свою общину (колхоз) большое количество переселенцев, как делали они сами, и якобы уже благодаря этому сохранили ее. Пожалуй, и отъезд согратлинцев в

города не был таким массовым, как среди чохцев (согратлинцы говорят, что ныне в Махачкале насчитывается более тысячи их хозяйств). Но, по большому счету, одно и другое скорее следствия, нежели причины современной относительной прочности общины Согратля. Приведем некоторые факты, чтобы показать своеобразие ее функционирования в последние десятилетия. Причем фигурировать в них будет колхоз (и его наследники), а не собственно община, что дает основания заметить опосредованную преемственность колхозной структуры с джамаатом.

Колхоз в Согратле был преуспевающим и всегда заботился о сельчанах. В свое время перестроил старое и дополнительно возвел новое здание школы, соорудил водопровод, завидную для начала 1960-х гг. участковую больницу и даже ретранслятор. В конце того же десятилетия колхоз за свои деньги приобрел для всех хозяйств селения газовые плиты и по 2 баллона газа; жители не знали преимуществ газа и вряд ли пожелали бы обзаводиться этим оборудованием; в дальнейшем колхоз оплачивал работу слесаря, обслуживавшего данное оборудование в частных домах.

В настоящее время колхоз не существует, а есть агрофирма «Согратль», основное имущество и хозяйство которой находится на плоскости, в Кизил-юртовском районе, а в горах осталась одна молочно-товарная ферма. Однако такого разрыва связей между «равнинной» и «горной» частями Согратля, какой имеет место во многих других случаях, до последнего времени не происходило. Здесь каждый пенсионер, вне зависимости от того, являлся он колхозником или нет, ежегодно получал от агрофирмы бесплатно 20 кг риса, мог по себестоимости покупать сыр и сено с кутанов. Для проведения поминок семья умершего получала от агрофирмы «по символической цене» двух баранов, ей выделяли мешок риса, сыр. Агрофирма опекала местную школу (с недавних пор гимназию): в 2003 г. выделила 30 тыс. руб. на приобретение учебников, в 2004 г. заново отстроила снесенную ураганом крышу, брала на себя расходы по празднованию торжественных дат в жизни школы, в 1990-е гг. помогла ей физически выжить, оказав помощь в организации подсобного хозяйства, а затем взяла на себя большую часть расходов по содержанию живущих в интернате при школе детей [ПМЮК, № 1782: 71 об.—72 об., 78 об., 80]⁶.

Оправданным будет вопрос: какое отношение к заслугам колхоза/агрофирмы и его/ее руководителей имеет община? Очевидно то, что устойчивая социальная политика, которую на протяжении десятилетий проводили местные сменявшие одна другую хозяйственные структуры, необходимым условием имела сохранение пусть и трансформированных, но общинных связей. Эти связи можно усмотреть в желании людей, живущих в городе и в прикутанном хозяйстве, отправлять своих детей на учебу в школу в родное селение (число таких родителей невелико, но само их наличие симптоматично), а также во встречной готовности селения и школы с помощью агрофирмы и через расширение интерната в какой-то мере воспроизводить «идентичность согратлинцев». Связь просматривается в ответственном выборе руководителя ранее колхоза, теперь — агрофирмы. Вспоминают, что в начале 1970-х гг. выборы председателя колхоза продолжались без перерыва двое суток. И хотя все

⁶ Данный пример не единичен. Подобную помощь пенсионерам, школе и селению в целом оказывают хозяйства плоскостной зоны республики, некогда организованные переселенцами из горных даргинских селений Зубанчи и Джурмачи [ПМЮК, № 1802: 32, 35 об.].

это косвенные связи между в принципе разными институтами, однако в обоих социальное и экономическое (хозяйственное) переплетено.

Не случайно представители старшего поколения в самых разных местах Дагестана постоянно проводят параллели между позицией («политической» линией) руководителей хозяйства (колхоза, агрофирмы и т. п.) и общим состоянием дел в джамаате (селении). В таком подходе видна не столько реальная память об общинном быте и джамаате минувшего времени, где избираемый старшина руководил всем его комплексом, сколько общая рефлексия социального опыта.

Рефлексии старого порядка

Такая рефлексия просматривается во многих частных примерах. Например в тех, какие мы слышали в селении Урада Шамильского района:

В Тидибе (соседнее с Урадой селение) очень сильный джамаат. Если у них председателем колхоза окажется выскочка, который поступает вразрез с интересами общества, то собираются и до утра обсуждают его и снимают с работы; заранее (бывает) подготовлен товарищ на его место. Так они сделали недавно. Вот такой бывает джамаат. Это самый организованный, самый уважаемый, самый почитаемый в районе (джамаат) и (уважаемое) в республике хозяйство. Там был первый в Дагестане колхоз (показатель организованности сельского общества. — *Авт.*).

...В Ураде? — Мы самые разоренные, самые неорганизованные... Хотя раньше были наоборот — самыми организованными (и т. д.). Что случилось? Был такой руководитель (хороший? — *Авт.*), он попал в аварию, потом был назначен другой (руководитель), потом другой, и так дальше, дальше... Крутили и погубили хозяйство. Это 90-е годы... Я предлагал, пусть председатель колхоза (совхоза) раз в год публично при этом джамаате отчитывается. При избрании председателя я говорил: «Вы запишите это ему (в наказы)». Забыли. Ни разу не бывал этот чиновник, председатель колхоза, при (на) джамаате. Он собрал все наше колхозное, богатство совхозное туда, где кутан был наш. Там построил село — Новая Урада называется, под Кизилюртом. А джамаат бросил на произвол. Хозяйство все там. Сюда летом перегоняют баранов. На кутане хозяйств порядочно, есть средняя школа, но (хозяйств) не больше, чем здесь [ПМЮК, № 1783: 61 об.—62 об.].

Сельскообщинные (джамаатские) устои лучше сохранились в тех населенных пунктах, которые не имели кутанов и не были вовлечены в организованное переселенческое движение. Такой пример являет собой селение Карата — центр Ахвахского района. Когда несколько лет назад без учета интересов каратинцев были предприняты попытки провести водопровод в селение Анчих (слишком большой водозабор из реки выше Караты лишил бы воды Карату; строительство инициировал один из жителей района, намеревавшийся стать депутатом Народного Собрания РД), они их заблокировали. Зато большая часть населения приняла посильное участие в строительстве собственного водопровода. В самом селении на собранные жителями деньги были построены мечеть и дом для поминовений, в котором хранятся на те же средства приобретенные два котла из нержавеющей стали, наборы посуды, которыми при необходимости может пользоваться любое хозяйство селения. Перед мечетью на частные деньги был обустроен источник и — уже на общественные — над ним устроена площадка для отдыха.

Каратинское сельское общество не подверглось серьезному разрушению по той причине, что в 1950-е гг. каратинцам были выделены земли под кутаны на солончаковых землях, практически непригодных для обработки (их безрезультатно пытались промывать водой), так что желавших переселиться в прикутанное хозяйство оказалось немного. Правда, с того же времени каратинцы самостоятельно начали переселяться в города, и сейчас там насчитывают до 500 хозяйств каратинцев. Обосновавшиеся в Махачкале и пригородах каратинцы проявляют солидарность; с середины 1980-х гг. они якобы первыми среди землячеств столицы республики начали проводить ежегодные встречи («День села») на «Каратинской» поляне лесистого склона возвышающейся над городом горы Тарки-тау. В начале 2000-х гг. один из авторынков Махачкалы был «каратинским».

Впрочем, это не означает, что данное сельское общество (насчитывающее более 4 тыс. жителей) является подлинным джамаатом (общиной), который способен полноценно решать возникающие в жизни населения проблемы и регулировать отношения с соседями, то есть быть социальной общностью, функционирующей на системных началах, подобно прежним джамаатам. Многие современные жители Караты вообще сомневаются в необходимости подобной системы, другие не верят в возможность ее воссоздания в нынешних условиях, но есть и такие, которые убеждены в обратном, а именно, что единственно джамаат может и должен спасти Карату как центр каратинского этнокультурного сообщества [ПМЮК, № 1757: 10 об., 17 об.—18, 30 об.—31, 53].

Жители расположенного в межгорной котловине селения Ботлих истари занимались садоводством, поэтому в известные времена они отказались от кутанов. В первой половине 2000-х гг. местный джамаат проявил незаурядную сплоченность, что было вызвано строительством на территории селения крупного военного городка (подробнее см.: [Карпов 2007б]).

Без ссылок на «стародавний» джамаат протекает жизнь в крупном лакском селении Кули, жители которого всегда являлись животноводами (своих пастбищ было много и еще арендовали у казикумухских ханов). И в последние годы там существовал сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) племхоз «Кулинский», поголовье мелкого рогатого скота в котором в Дагестане, как говорят, самое большое (в середине 2000-х гг. — 20 тыс. голов, а в 1970-е гг. было 70 тыс.), и он же занимает второе место по крупному рогатому скоту. В современных условиях этому хозяйству живется непросто — уже потому, что раньше значительный доход приносила продажа шерсти, а ныне она никому не нужна, и более 10 тонн ее хранится на местных складах. В СПК (или, по привычке, в колхозе) работает около 800 человек (всего населения 3,6 тыс. чел; прежде было 5 тыс.), остальные занимаются отходничеством. Фермерские хозяйства (всего их более 30) образованы формально; каждому такому хозяйству выделили по 10 га горных пастбищ, на равнине у них пастбищ нет, и свой скот они перегоняют вместе с «колхозным»; с недавних пор с фермеров за транспортировку скота берут плату. Фермерские хозяйства образовались главным образом из-за того, что государство для сохранения овцепоголовья давало на каждую овцематку 1 руб. 17 коп. С 2005 г. дотации прекратились, остановилось и образование фермерских хозяйств. Глава сельской администрации предлагает объединить все фермерские хозяйства с целью показать и доказать, что только крепкие скотоводческие хозяйства способны выжить в условиях местного высокогорья.

В середине 2000-х гг. (а до этого в 1986—1994 гг.) главой местной администрации являлся волевой человек Рамазан Мамаев. Он потребовал от односельчан соблюдения «исламских правил» во время похорон и поминок, но о роли отстроенной заново на деньги Духовного управления мусульман Дагестана мечети отзывается скептически:

Она открыта, ковры лежат — но пустая. Кто в городах живет — те молятся, это молодые кулинцы, студенты. В прошлом в Кули было 5 мечетей. Сейчас старики ругаются, зачем построили мечеть. Чем она поможет. До революции тоже не были особенно религиозными.

В Кули существует совет старейшин, хотя, по оценке главы администрации, он достаточно формален. Хотя, когда нужно организовать общественные работы — ремонт кладбища, водопровода, решить семейные или земельные споры, глава обращается к ним, «но отдельные старики любят выпить. Сидят на годекане, выпивают и рассказывают истории. Разлагают население». Есть в Кули совет молодежи. Это спортсмены, молодые учителя, директор спортшколы, тренеры, директор Дома культуры («Теперь молодой, раньше был старый, но я его попросил уйти, чтобы был молодой и привлечь молодежь в ДК. Чтобы не болтались. Всего человек 11, есть и молодые женщины. Прошу поговорить с теми, кто хулиганит») [ПМЮК, № 1794: 36 об.—46 об.].

Можно ли в талантливом сельском администраторе современной эпохи и в его поступках усмотреть связь с персонажами «дедовских» времен? С большой натяжкой, хотя оттуда он взял немало и сам с удовольствием рассказывает, что его бабушка была первой коммунисткой в районе, членом ревкома и «до 1935 года ходила с наганом», по-своему активными были и другие предки. Так что потомок продолжает эстафету.

* * *

Подобное отражение «старого», «традиций» наличествовало и наличествует не демонстративно, а полускрыто в общественной практике дагестанцев большей части истекшего столетия. Наблюдавшееся в 1930-е гг. и позднее стремление совместить старые практики с навязанной извне формой колхозной организации вполне определенно указывает на это. И, вероятно, надо признать за факт, что взаимная адаптация того и другого произошла, по крайней мере, в сознании большого числа (если не большинства) населения. Колхозы привлекали местное население принципом самоорганизации. Примечательно, что в ряде селений Хунзахского района вспоминают о «мудрых стариках», которые в 1970—1980-е гг. настойчиво отговаривали односельчан соглашаться на преобразование колхозов в совхозы, указывая не только на отчуждение в этом случае земельной коллективной собственности колхоза в государственный фонд имущества, но и на неизбежную в этом случае неподконтрольность руководящего аппарата хозяйства со стороны населения [ПМЮК, № 1783: 13—13 об.]. По сути то же, хотя и не в сформулированном виде, подразумевают рассказы о начале развала хозяйств и вслед за ним всей жизни селений в связи с чехардой директоров совхозов. Это взгляд на общую ситуацию с мест. Схожую реакцию нетрудно проследить и на уровне республиканских властей.

Подмечено, что «наиболее устойчивыми советскими институтами (в 1990-е гг. в Дагестане. — *Авт.*) оказались колхозы и совхозы. Они уцелели,

несмотря на резко ухудшившееся экономическое положение республики и враждебное отношение к ним федеральных властей... Почти никто из дагестанских колхозников и рабочих совхозов, с кем довелось встречаться автору, не желал роспуска своих колхозов» [Бобровников 2002б: 91, 92]. Республиканский референдум 1992 г. подтвердил такое отношение населения цифрами: в нем приняло участие 63,8 % граждан и из них 83,7 % высказалось против раздела колхозных земель на частные владения [Кисриев 1994: 19]⁷. В 1990-е гг. крупные хозяйства — совхозы и колхозы, объединявшие территории, угодья, население ряда аулов, — дробились на более и даже абсолютно мелкие одноаульные коллективные хозяйства — те же колхозы, а также акционерные общества, сельскохозяйственные кооперативы, товарищества, а в ряде случаев через некоторое время после роспуска коллективные хозяйства воссоздавались. И это при том, что основные доходы населению приносил и приносит вовсе не труд в этих хозяйствах, а индивидуальное или групповое отходничество, торговля и др.

Дагестанцы выказали консервативность и в предписанной свыше (из федерального центра) реорганизации органов власти. Они медлили с отменой местных советских институтов одной, только в 1994 г. советы были заменены местными администрациями, и практически сразу же на республиканском уровне стали обсуждаться законы «О сельской общине», «О местном самоуправлении», в самой постановке которых отразился социальный заказ «снизу» — найти форму коллективной самоорганизации. Поиски вариантов трансформации хозяйственных и властных структур, далеко не динамичные и не прямолинейные (при том что на общегосударственном уровне политические акценты были однозначно определены) являлись двуединым процессом. В. О. Бобровников считает приверженность дагестанцев к коллективным формам хозяйства исключительно их ностальгией по советской эпохе [Бобровников 1997: 135; 2002б: 93]. Но такая отсылка к общей консервативности общественного сознания по большому счету упрощает ситуацию. Ориентированность населения на коллективные формы — это не только поиск опоры в крайне нестабильной политической и экономической жизни. Это рефлексия прежнего («традиционного») социального опыта, начало которого можно разглядеть в формировании крупных селений и общин в стародавние времена, а проследить накопление во всей последующей истории (за исключением лишь этапа образования хуторов на исходе Средневековья, которое, однако, не внесло принципиальных изменений в порядок жизни горского общества).

Республиканская пресса подпитывала общественные настроения соответствующими публикациями: «В колхоз — без принуждения», «Отчего люди в ауле Мачада живут благополучно», «Аулы — колыбели намуса» и т. п. [Джамбулатов 1997; 2001; Любаров 1997].

Так же и ныне, по крайней мере в ряде мест, прежние хутора остаются заброшенными⁸. Сошлемся на Согратль, вокруг которого до коллективизации функционировало более 70 сезонных хуторов, в последние годы — считанные

⁷ Высказано суждение, что сохранение общественных хозяйств обусловила деградация крестьянства, ставшего менее инициативным [Османов М. 2002: 210], и это, конечно, справедливо, но вряд ли только этим подобное можно объяснить.

⁸ Отметим, что в те же годы в прессе раздавались голоса в пользу возрождения хуторской системы как реальной возможности увеличения площадей пахотных земель и тем самым выхода из кризиса [Яхьяев 1994].

единицы, и их готово вновь обживать лишь с десятков хозяев. Там нет дефицита земель, даже наоборот, ведь многие покинули селение, перебравшись в города.

Спрашивают: «Вот был ваш хутор, сейчас он разрушен, можно ли на нем поселиться?» Наследники бывших хозяев отвечают: «Пожалуйста. Дайте мне *xIalal* (добро), упоминайте в *dua* (молитвах) наших предков и живите себе» [ПМЮК, № 1783: 81 об.].

Правда, ситуация не везде такая, к тому же общие настроения людей могут меняться.

В очень многих местах произошел раздел колхозных земель, и домохозяева получили наделы, которыми они распоряжались в последние десятилетия в рамках колхоза, либо им выделили участки сейчас — в обоих случаях в собственность. И так же во многих селениях отмечают, что данная процедура была произведена без учета «родовой», «фамильной» принадлежности наделов до коллективизации. «Кто теперь помнит, у кого какой был участок? Все перепуталось». Однако столь же часто ссылаются и на «хорошую память» о том, кому какой участок земли некогда принадлежал (напомним пример первого председателя колхоза в Кванаде, который в свое время все записал, а недавно народ использовал его записи). В Хунзахском районе рассказывают, что здесь считается нормой, когда человек, получивший от местной власти участок земли под строительство дома и приусадебное хозяйство, просит у наследников его бывших хозяев разрешения на него и платит деньги, пусть и символические. Впрочем, это подается и воспринимается как норма, а на деле многое оказывается по-другому.

В целом ситуация в горных селениях не динамично, но меняется, как, впрочем, и во всей стране — и среди ее населения в целом, и в отдельных группах оно. Предложим сравнительно обстоятельную картину таких изменений на частном примере.

Портрет одного селения

Селение Хуштада расположено в Цумадинском районе в долине реки Андийское Койсу на высоте 1800 м над уровнем моря. Его жители, как и жители пяти соседних селений, — багулалы. Это один из 13 малых народов андодидойской (андо-цезской) подгруппы, которые проживают в Западном Дагестане и в 1950-е гг. были официально причислены к близким им по культуре и языку аварцам.

История Хуштады берет свое начало в XVI—XVII вв. и в главных чертах повторяет историю большинства горных селений края. Общественный быт багулалов и конкретно хуштадинцев в XIX—первой трети XX в. описал классик отечественного кавказоведения Е. М. Шиллинг. В целом он был типичным для жителей горных районов Дагестана [Шиллинг 1993: 147—200]. Как и жители большинства горных селений Дагестана, хуштадинцы традиционно вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Само селение с его жилыми и хозяйственными постройками располагалось на крутом скалистом склоне. Исследователь начала XX в., посетивший данный район, бегло записал: «Над ней (долиной реки Тлондода. — *Авт.*) высится, точно орлиное гнездо, аул Хуштада (Хуstad)» [Ган 1902б: 223]. Зато все прилегающие к се-

лению земли интенсивно возделывались, в большинстве случаев представляя собой террасы (с откосами) земельных участков (*мульков*) общинников. Пахотные земли были окружены выгонами и пастбищами для скота, а также пустошами (*хларим*), которые составляли земельный резерв общины. Выше Хуштады на горных склонах располагается хороший сосновый лес, порубки в котором строго контролировались той же общиной. Наконец, община владела горными пастбищами, где в летний период выпасалось несколько отар мелкого рогатого скота.

Порядок земле- и, шире, природопользования обстоятельно регламентировался общиной и строго контролировался ею. Об этом свидетельствует запись от 1856/57 г. на полях Корана, хранившегося в здешней мечети, где сообщалось о заключении местными общинниками договора не продавать чужакам поделенную ими между собой общественную землю [Хрестоматия 1999, ч. 1: 108—109].

Судьба Хуштады мало отличалась от судеб большинства горных селений края и в советский период. В 1930-е гг. репрессиям было подвергнуто порядка 60 человек, причем с особым пристрастием карательные органы относились к местным ученым-арабистам, которых в Хуштаде было немало. В 1936 г. там появился колхоз, которому было присвоено имя Молотова, а позднее он получил другое звучное название — «имени Чапаева». Колхозное строительство начиналось с изъятия земельных наделов у мечети (*вакуф*, *вакф*), продолжилось через обобществление частных участков и скота. Однако реализация советской программы кардинальных преобразований в Хуштаде, как и во многих горных селениях Дагестана, была по-местечковому своеобразной. Последнее заключалось в том, что здешняя общественная среда стремилась лишь формально исполнять указания свыше, и ей это в значительной мере удавалось. Проводивший сравнительно недавно полевые исследования в Хуштаде В. О. Бобровников отмечает:

При пользовании колхозными землями и скотом, а также своими приусадебными участками хуштадинцы до сих пор пытаются учитывать права располагавшихся здесь накануне коллективизации *семейных мульков, харимных и вакуфных* владений <...> Хуштадинцам пришлось передать в общую собственность колхоза большинство частных террасных полей. Но при этом они продолжают наследовать, покупать и продавать друг другу относившиеся прежде к семейным мулькам дома <...> Как и до советской власти, никто в Хуштаде не осмелится <...> передать семейный надел человеку, не принадлежащему по рождению к местному джамаату <...> Еще более священна <...> целостность бывшего сельского харима. До сих пор в силе границы общинных земель Хуштады, превратившиеся в границы земель колхоза им. Чапаева [Бобровников 1995: 56—57].

Впрочем, у Хуштады при всей типичности ее судьбы на разных этапах истории была своя особенность. Хуштадинцы, по крайней мере последние одно-два столетия, гордились своими *алимами* (учеными-арабистами, знатоками теологии и религиозного права) и *шейхами* (*шайхами*; особо крупными религиозными авторитетами). Современные хуштадинцы говорят о семи земляках-шейхах. На одном из кладбищ селения располагается *зиярат* (*зийарат*) — святая могила трех шейхов суфийского ордена накшбандийя [Бобровников 1999: 99—100]. В 1932 г. хуштадинская мечеть была закрыта (ее здание построили в самом начале XVII в.), однако в 1946 г. вновь открыли. С тех пор и

до второй половины 1980-х гг. при ней фактически нелегально функционировало медресе. Далеко не случайно в последние полтора десятка лет *имамами* (имам — председатель на молитве, глава мусульманской общины) мечетей многих крупных селений и городов Дагестана (в частности в центре Цумадинского района селении Агвали, в городах Кизляр и Хасавюрт) оказались хуштадинцы либо лица, обучавшиеся в местном медресе.

Безусловно, это придавало и придает Хуштаде особый социальный и культурный колорит среди окрестных населенных пунктов. Поэтому не случайно группа московских востоковедов, взявшихся в начале 1990-х гг. изучать «восток» в постсоветском пространстве по программе «Портрет восточного села», выбрала объектом своих исследований Хуштаду. Как писала в установочной статье (освещавшей методологические вопросы исследовательской программы) один из руководителей проекта Т. Ф. Сиверцева, «основным критерием выбора села должен являться уровень сохранности ислама. С нашей точки зрения, многие текущие социально-политические и этнокультурные процессы в регионе определяются степенью и характером включенности в исламскую культуру и в исламскую геополитику» [Сиверцева 1995: 11].

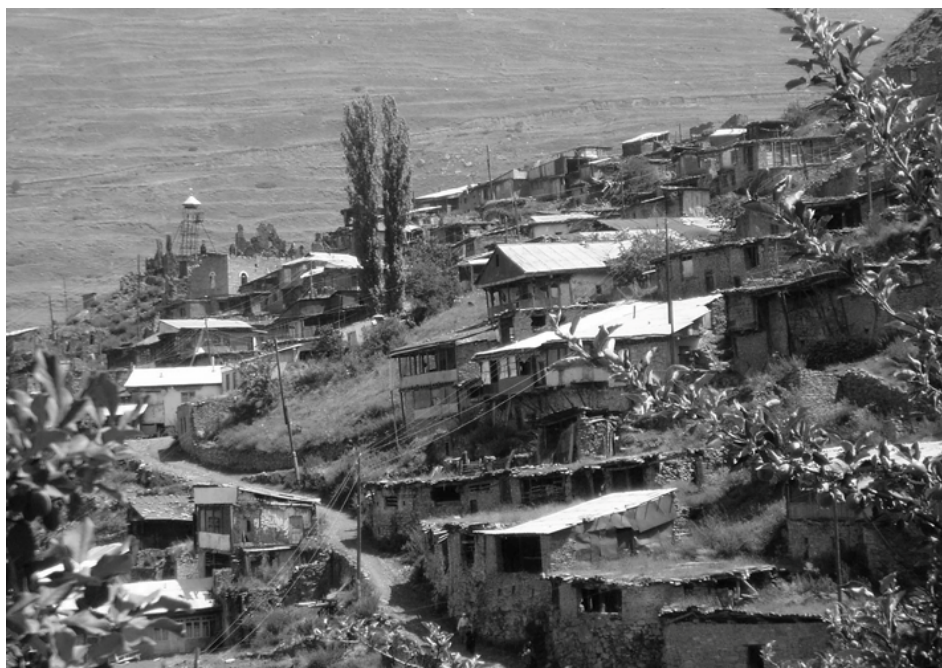
В данном случае мы предлагаем еще один портрет данного селения. Он построен на материалах, которые нам удалось собрать в Хуштаде в 2005 и в 2007 гг.⁹ В нем, в отличие от составленного востоковедами, мы рассматриваем местное сельское общество не как пример «мусульманской общины», «тип организации местного мусульманского общества» и «колхоза-джамаата» (т. е. хозяйственно-религиозной структуры) [Бобровников 1997а: 136, 137, 139; 2002б: 99, 101], а преимущественно и главным образом как сельскую общину, что в целом не оспаривает тезис о сложном, «смешанном» характере горских сельских обществ в новейшее время [Бобровников 2006: 129].

Облик селения

За последние десятилетия Хуштада «сползла» с крутого горного склона. Старая часть селения, о которой Е. М. Шиллинг говорил, что она «суть пункт, наиболее отвечающий стратегическим соображениям», опустела. В ней, некогда делившейся на 3 квартала, в 2005 г. оставалось жить всего несколько стариков. «Стратегические соображения» полностью утратили значение для сельчан. В новых условиях жизни действуют иные приоритеты. Заметные изменения в облике, да и в целом в жизни селения наступили в середине 1980-х гг., когда пары молодоженов одна за другой стали требовать себе от сельской администрации выделения участков под жилое строительство. Селение «стремительно» начало «растекаться» новостройками по пологому склону, ранее занятому обрабатывавшимися землями, превращая близ расположенные сельхозугодья в острова и островки.

Уже в 1970-е гг. поменяла свое местоположение школа, переехав в новое здание, построенное в «равнинной» части селения. Там же со временем разместились сельская администрация, правление колхоза, почта, дом культуры. В 1990-е гг. встал вопрос о переезде в новую часть селения и мечети. При этом ссылались на то, что пожилым людям, абсолютное большинство кото-

⁹ Один из авторов впервые побывал в Хуштаде в 1981 г., и те впечатления составили неизгладимые представления о «настоящем» горском селении.

Центральная (старая) часть селения Хуштада после пожара 2007 г.
Фото Ю. Карпова. 2007 г.

рых прочно обосновались в новостройках, трудно ходить в старую мечеть, каждый раз преодолевая расстояние в 300—400 метров. К строительству новой мечети приступили в начале 2000-х гг. Ее проект отвечал новым вкусам, совмещая разные архитектурные стили. Зато она была большой, технически хорошо оборудованной и очень «богатой», что импонировало самолюбию хуштадинцев (об организации строительства и шедших на него средствах ниже).

Новую мечеть торжественно открыли в августе 2006 г. Теперь новая часть селения добавила к прежним функциям основного жилого микрорайона и делового центра еще и роль духовного центра. После этого старая мечеть просуществовала недолго. В январе 2007 г. в ней возник пожар. Вместе с мечетью сгорели и располагавшиеся близ нее жилые здания. Сейчас данный исторический квартал, называемый Эли гъай, производит впечатление пережившего военные действия — закопченные стены полуразрушенных зданий, разбросанный домашний скраб на улицах.

В 2004 г. разобрали круглую башню (в 1940-е гг. в самой верхней части селения еще сохранялась прямоугольная в плане башня, позднее разобранная).

В итоге слагаемых старого образа Хуштады ныне не существует. Они, по-видимому, безвозвратно утрачены. А новая, «равнинная» часть Хуштады раскинулась привольно.

Хозяйственная деятельность, тактики выживания

Начнем с народной этимологии этнонима «багулал». Хуштадинцы полагают, что ее можно возводить к тюркскому *бугул* в значении 'где есть', а кон-

кретно — «где есть достаток». В Хуштаде хорошо растет кукуруза, да и вообще места благодатные — как нигде много родников. Говорят, что во время Отечественной войны в Хуштаду приходили жители соседних селений покупать и выменивать продукты. Восприятие родного селения как наделенного особой благодатью чрезвычайно характерно для дагестанцев.

Однако Хуштада высокогорное селение, и в 1970-е гг. хуштадинцам предлагали переселиться в район селения Герзель, что по дороге из Буйнакса в Махачкалу. Однако старики, да и прочие жители от такого предложения категорически отказались. Им хорошо жилось в своих, как им виделось, благодатных местах. Но подвижки местного населения, и притом значительные, в советские годы все же произошли.

В середине 1930-х гг. вновь организованному в Хуштаде колхозу были выделены земли под зимние пастбища (*кутаны*) в Хасавюртовском районе. Местные жители, как истинные горцы, всегда мечтавшие о расширении земельных угодий, чрезвычайно радовались такому приобретению. После войны кутаны хуштадинского колхоза переместили в Бабаюртовский район, где было образовано селение Чало, или Ново-Хуштада. В 1930—1950-е гг. на базе хуторов Теснхара и Урух, располагавшихся на нижних участках земельных угодий хуштадинской общины возле Андийского Койсу, сформировался населенный пункт Теснхара. До настоящего времени жители всех означенных населенных пунктов числятся за хуштадинской сельской администрацией (ситуация общая почти для всего Дагестана).

По состоянию на конец 2006 г. число хозяйств и жителей в населенных пунктах, входящих в состав Хуштадинской сельской администрации, было следующим: в Хуштаде — 261 хозяйство и 865 жителей (в том числе зарегистрированных по месту жительства), в Теснхара — 114 хозяйств, 391 житель (в том числе зарегистрированных 387), в Чало (Ново-Хуштада) — 130 хозяйств, 460 жителей (в том числе зарегистрированных по месту жительства, т. е. в самой Хуштаде, 449); итого по сельской администрации — 505 хозяйств, 1716 жителей (в том числе зарегистрированных 1691).

Больше сотни семей хуштадинцев проживают в Махачкале и такое же количество в других городах и сельских населенных пунктах республики. Около двух десятков семей живут в Москве.

До середины 1990-х гг. все перечисленные населенные пункты в хозяйственном отношении представляли собой один колхоз. Местное население не спешило расставаться с данной формой организации хозяйственной и общественной жизни. Резоны виделись не в экономической рентабельности коллективных хозяйств и, соответственно, материальной обеспеченности их членов, а в опасении, что с ликвидацией колхоза начнется правовая и хозяйственная чехарда. Сошлемся на слова одного из информантов В. О. Бобровникова:

Зачем нам распускать наш колхоз, кто поручится, что тогда земли, доставшиеся нам от отцов, не захватят соседние селения. А кумыки не отнимут у нас наши кутаны на Плоскости. Без колхозов в горах будет бардак и беспорядок [Бобровников 2006: 120].

Однако в те же годы большая часть принадлежавшего колхозу скота была распределена между хуштадинцами, горные пастбища и сенокосы были переведены на баланс сельской администрации, а пахотные земли, сады и сенокосы розданы колхозникам на условиях долгосрочной аренды. На домохозяйст-

во приходилось 28 соток обрабатываемых земель, т. е. пахоты, и сенокосные угодья размером 15 соток.

Когда в 1993 г. стали распределять пахотные участки, то встал вопрос об осуществлении данной процедуры по шариату, о возвращении к «дедовским» наделам. Однако реализовать это на деле оказалось невозможно; земля была распределена на компромиссной основе — с частичным учетом границ «дедовских» наделов и тех земельных паев, которые хуштадинцы получили при колхозном строе. При распределении участков неизбежно возникали спорные ситуации. Однако они не были обвальными, а со временем и вовсе прекратились, так как в современных условиях прокормить семью, выращивая что-либо на наличных земельных участках, невозможно. В настоящее время обрабатывается лишь часть угодий, только хорошие участки. Хозяйства, которые вовсе не обрабатывают свои участки (а таких немало), не хотят платить земельный налог и предлагают сельской администрации вовсе забрать их.

Так же сложно материально обеспечить семью, занимаясь выращиванием скота. Многие хуштадинцы полностью отказываются от скота, главным образом это молодежь. В 1992 г. только хозяйств 10 не имели скота, а через 15 лет, по оценкам представителей сельской администрации, их количество уже составляло 60—65 %. Если в советские годы неплохие доходы получали от продажи шерсти, то ныне цена шерсти составляет 10 руб. за кг, у хуштадинцев ее покупают только андийцы — жители соседнего Ботлихского района, которые еще продолжают заниматься валянием бурок, но уже в ограниченном количестве. Вместе с тем некоторые местные хозяйства в тактике выживания сделали выбор именно в пользу занятия овцеводством, так что общее поголовье скота в селении по сравнению с прошлым десятилетием увеличилось. В середине 1990-х гг. они взяли скот в аренду у разваливавшегося колхоза, у него же арендовали пастбища, сейчас арендуют их у сельской администрации и мечети.

В целом экономика селения в последние годы если и развивается, то крайне медленно. Возможности материального самообеспечения населения на месте ограничены. Колхоза, который давал хотя и небольшие, но стабильные средства к существованию, не существует. Рабочих мест в селении ныне не больше ста — в школе, в сельской администрации, бухгалтерии, медпункте, почте, клубе, включая технический персонал во всех перечисленных структурах.

Для незначительной части хуштадинцев, а также для жителей Теснхары во второй половине 1980-х гг. и в начале 1990-х была возможность работать на Агвалинском заводе запоминающих устройств. Завод (как филиал астраханского предприятия) был построен в 1985 г. в свете реализации государственной программы трудоустройства населения горных районов. Он специализировался на выпуске продукции для оборонной промышленности. Земельный участок, где было построено здание завода, в свое время принадлежал хуштадинской общине, а затем колхозу им. Чапаева. Его изъятие из хозяйственного оборота последнего было осуществлено властями республики без согласования с сельской администрацией Хуштады и правлением колхоза, ведь появление завода расценивалось как благо для всего района, на нем было восемьсот рабочих мест. В годы экономического кризиса завод прекратил свое существование. Его директор (выходец из селения Гаквари Цумадинского района) приватизировал предприятие по остаточной стоимости, пытался организовать на его базе столярное производство, затем выпуск алюминиевой посуды, однако не преуспел в начинаниях. Работники же завода остались без средств к существованию.

Село Ново-Хуштада Бабаюртовского района. Фото Ю. Карпова. 2009 г.

В настоящее время в лучшем положении по сравнению с хуштадинцами находятся жители Теснхары, так как последнее расположено буквально за мостом от Агвали. До 70 % жителей этого населенного пункта работают в государственных структурах райцентра либо нашли там же индивидуальные места занятости (в основном это сфера торговли). У хуштадинцев же положение весьма и весьма незавидное. В первой половине и в середине 1990-х гг. значительная часть местной молодежи и молодых семей существовала на пенсии и пособия, которые получали их родители. Именно в те годы начал активно развиваться отход на сезонные работы, который с тех пор и обеспечивает основную часть населения Хуштады средствами к существованию. Но о нем в другом месте.

К изложенному добавим краткую информацию о тех хуштадинцах, которые некогда обосновались в Чало, оно же Ново-Хуштада, расположенном в Бабаюртовском районе РД. Это прикутанное хозяйство и при нем поселение хуштадинского колхоза им. Чапаева с угодьями общей площадью 1245 га; в 60 км от него располагается также относившееся к этому хозяйству небольшое поселение Шава с 1050 га угодий. В Шава выращивали зерновые культуры, которые шли на откорм скота. В Ново-Хуштаде были скотоводческие фермы, зимние пастбища, рисовые чеки. В настоящее время чеки заброшены, но сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК), за которым числится 100 голов крупного и 200 голов мелкого рогатого скота, формально существует. Формально, потому что весь скот роздан в аренду жителям, а существует, точнее, числится существующим, ибо земля, угодья, которыми

пользуются новохуштадинцы, были переданы государством в долгосрочную аренду колхозу им. Чапаева, и если прекратит даже формальное существование его преемник новохуштадинский СПК, то они должны будут быть переданы в подчинение и пользование другим юридическим хозяйствующим лицам, а этого никто из новохуштадинцев, конечно же, не хочет. Люди, проживающие в Ново-Хуштаде, давно освоились в тамошних местах, обзавелись и собственным кладбищем, т. е., с точки зрения «традиционного» мировоззрения, полностью укоренились на этой земле. В Хуштаду отвозят хоронить только по завещанию, и высказывают такое пожелание особо религиозные люди, ибо в горном селении находятся могилы шейхов, и потому земля там едва ли не святая. Пятнадцать лет назад построили мечеть; до этого под мечеть использовали находящуюся на территории поселка общественную баню. С 2001 г. здесь работает средняя школа; ранее детей отвозили учиться в Цумадинский район.

Порядок организации общественной жизни

В последние годы положение с властью, с ее распределением между религиозной и светской ветвями далеко не столь однозначно, как это описывал в середине 1990-х гг. В. О. Бобровников. С тех пор изменилась ситуация в стране, в республике и в селении; на смену одним руководителям пришли другие с собственными возможностями и амбициями. Поэтому представлять расстановку «политических», властных сил даже в нескольких соседних селениях, тем более в субрегионе, в качестве одной схемы нет оснований.

В Хуштаде в последние годы не было всевластия *имама (дибира)* и близких к нему лиц. Не было и двоевластия. Официально селение живет по федеральному закону № 131 «О местном самоуправлении», частично скорректированному республиканскими властями; здесь имеются муниципальная администрация и ее глава. Судя по страстям, кипевшим в Хуштаде в начале 2007 г. при выборе нового главы администрации (о чем чуть ниже), его власть вовсе не номинальная. И столь же естественно, что глава администрации широко взаимодействует с имамом. Именно такая ситуация в большей степени характерна для современного Западного Дагестана в целом, нежели концентрация на местах властных полномочий в руках мусульманского духовенства¹⁰. Здесь следует отметить, что авторитет имама во многом зависит от его личных качеств, а также от того, насколько он посвящен в проблемы селения и способен в них разбираться¹¹.

Хуштадинцы самыми добрыми словами вспоминают Шарапутдина, который с 1960-х и до начала 1980-х гг. являлся дибиром местной джума-мечети. «Он первым отправлялся на общественные работы, никому не приказывал», — рассказывает один информант. Другой независимо от первого уточняет: «Шарапутдин руководил всеми общественными работами и делами в селении, если населению приказывали что-либо сделать, то приказу подчиня-

¹⁰ Хотя, по оценке главы сельской администрации Хуштады Шамиля Ахмедова, высказанной им в 2007 г., в соседней Кванаде вопросы, связанные с жизнью селения, в большей степени решает имам.

¹¹ Ограничение возможностей у лиц, занявших этот пост, как правило, проявляется в тех случаях, когда они присланы в селения Духовным управлением мусульман Дагестана, т. е. не являются их уроженцами, да еще и молодого возраста.

лась четвертая часть жителей, а если скажет Шарапутдин, то его слушаются все». Возможные преувеличения в последней оценке непринципиальны, а факт авторитета данной личности даже в условиях советских порядков неоспорим. При этом нет оснований связывать укрепление позиций духовенства с «изобретением исламских традиций» в колхозах. Представляется, что «традиция» авторитета главы религиозной общины имеет более глубокие истоки. Впрочем, в настоящем случае важнее то, что в Хуштаде, издавна небезосновательно славившейся своими *алимами*, всегда имелся выбор авторитетных в плане соответствующих знаний лиц на этот пост.

В 1980-е гг. имамом здесь был Мухаммед-Сейид Абубакаров, позднее возглавивший джума-мечеть в г. Хасавюрт. Через некоторое время дибиром стал Мухаммед-Сейид Газиев (1955 г. р.), родственник М.-С. Абубакарова, которого в народе называют Мухаммед-Сейидом младшим. В начале 1990-х гг. М.-С. Газиев рьяно взялся за искоренение в быту односельчан пьянства, что вызвало недовольство последних, и его сняли с поста дибира, заменив более умеренным во взглядах и поступках Ахмадом Шахрудиновым (1962 г. р.). Через несколько лет Мухаммед-Сейид младший вернулся на данный пост. Именно он в 1993 г. выдвинул трудновыполнимые условия передела земельных участков¹², а после вторжения в Цумадинский район отрядов ваххабитов из Чечни в 1999 г. повел борьбу за нравственность сельчан, в результате чего вновь был лишен поста имама. В последние годы он возглавлял совет имамов Цумадинского района. На должность дибира хуштадинской джума-мечети несколько лет назад был приглашен Макка-Шарип Алиев (1977 г. р.).

Родители Макка-Шарипа родом из селения Хваршины, которое расположено в верхнем участке района. Однако сам он вырос в Хасавюрте, там же учился в исламском университете, затем являлся имамом мечети в селении Нижнее Инхоквари, откуда его и пригласили в Хуштаду. По мнению местных жителей, отличительным качеством Макка-Шарипа является очень хорошая память, благодаря чему он свободно меняет *аяты* в своих проповедях, и это высоко оценивается людьми. По словам самого Макка-Шарипа, ему было не очень легко освоиться в Хуштаде, так как там много собственных алимов. Джамаат нашел новому имаму квартиру в пустующем доме, Макка-Шарип женился на хуштадинке, т. е. вполне укоренился в селении (рассказывают, что он собирался обзавестись и второй женой, но джамаат запретил это делать; «Ишь, какой прыткий», — говорили люди). В последние годы нынешний имам постоянно говорил о своем намерении продолжить учебу и поехать для этого в Египет (такая возможность у него имела благодаря родственникам). Джамаат уговаривал его, по крайней мере, повременить, и этого ему удавалось добиваться. Однако сам молодой имам ощущал себя в Хуштаде временным человеком при солидном poste, и продолжение учебы являлось хорошим предлогом для оставления им данного места.

Среди местных жителей устойчиво мнение, что важную роль в жизни селения выполняет так называемая двадцатка. Что это за структура? В советское время для того, чтобы открыть мечеть, молитвенный дом, необходимо было заявление 20 человек. «Двадцатка» могла «держат мечеть». По инерции данная структура оставалась и после преобразования власти и общественного по-

¹² Он заявил, что подобное перераспределение возможно только в том случае, если каждый претендент на «дедовский» участок однозначно укажет четыре границы оного, иначе распределение участков окажется самозахватом.

рядка в стране, на местах в Дагестане ее воспринимали как своеобразный совет старейшин, в том числе ведавший делами мечети. В настоящее время в Хуштаде «двадцатки» нет, а у мечети есть *руководитель*, который решает хозяйственные и финансовые вопросы, связанные с функционированием культового здания.

Таких вопросов немало, тем более что в последние годы в селении возводилось здание новой джума-мечети. И здесь в качестве примечательной черты общественного порядка, характерной для «старого», а в значительной мере и для «нового» дагестанского селения, нужно отметить, что в строительстве, конкретно в его финансовом обеспечении, принимало участие значительное число хуштадинцев именно как общинников. Бригады отходников перечисляли в фонд стройки деньги, до 100 тыс. руб. Деньги давали и те, кто не имел своего бизнеса. Инициативная группа хуштадинцев обращалась за помощью и к «большим» людям республики, в частности к мэру Махачкалы даргинцу Саиду Амирову, и последний выделил на строительство из своих средств 300 тыс. руб. Говорят, что и сейчас отходники выделяют на содержание мечети немалые суммы денег, правда, подобную информацию подтверждают немногие, видимо, она не для широкой огласки, а может быть, и не соответствует действительности.

Содержание мечети и организация религиозных праздников также требуют средств. В «старые» времена они обеспечивались платежами от доходов (*закат*, обычно одна десятая часть доходов) членов религиозной общины, а также сдачей в аренду земельных наделов, принадлежащих мечети (*вакуф*, мест. *вакъфу*, *вакъту*). В советско-колхозные времена подобных практик официально быть не могло, однако негласно они соблюдались, но в сокращенном и измененном виде.

В 1990-е гг. о восстановлении вакуфа в полном объеме говорили довольно много. Этого не произошло, что, однако, не мешает людям учитывать «происхождение» того или иного участка. В настоящее время, когда заинтересованность в возделывании земли и размерах таковой невелика, желающих брать в аренду участки вакуфа для хозяйственного использования практически нет. Но так как оказание помощи мечети считается делом праведным, богоугодным, то в селении имеются люди, взявшие в аренду участки вакуфа, не обрабатывающие их, однако вносящие «плату» за номинальное пользование ими. «Плата» чаще бывает натуральной — на религиозный праздник (уразу-байрам и т. п.) семья хозяина участка вакуфа печет хлеб на всех членов джамаата (религиозной общины). Находятся желающие и без установления каких-либо формальных отношений с мечетью оказывать ей содействие.

В последние годы хуштадинская мечеть обрела и новый вид недвижимого имущества. В Махачкале в многоэтажном доме была куплена квартира, стоимость которой вряд ли уменьшится. В 2007 г. в ней жили хуштадинцы, работавшие в строительной фирме, также принадлежавшей хуштадинцам А. Алиеву и А. Мусаеву. Последние в свое время не остались в стороне от проблем мечети родного селения, выделив на строительство ее нового здания 300 тыс. руб., а в близком будущем обещали выделить в распоряжение мечети квартиру в доме, строительство которого их фирма завершает.

Руководство мечети в случае необходимости обращается за финансовой помощью к главе сельской администрации, и в ней ему, как правило, не отказывают. Каждая из сторон учитывает влияние другой ветви власти на общественную жизнь селения и не игнорирует ее. На районные совещания глава

сельской администрации последнего времени Шамиль Ахмедов брал с собой в качестве авторитетных лиц имама мечети и директора школы. По оценке того же Ш. Ахмедова, Макка-Шарипу не очень уютно в Хуштаде, ибо Мухаммед-Сейид Газиев, занимая пост главы совета имамов района, является как бы неофициальным имамом Хуштады, его влияние на жизнь местного общества очень и очень значительно. По этой причине в последнее время никто из местных алимов не решался возглавить местную религиозную общину (джамаат). И хотя предложения о замене чужака Макка-Шарипа хуштадинцем в достаточно категоричной форме звучали из уст сторонников одного из местных «политических» блоков в августе 2006 г., во время открытия новой джума-мечети, добиться этого им не удалось.

Теперь о светской власти в современной Хуштаде и о борьбе за нее разных блоков. И сразу надо оговорить, что блоки формируются по родственному принципу. Два лагеря, которые четко обозначились в последние годы на фоне и в условиях выборов сельской администрации, объединяют приблизительно равное количество семейно-родственных групп (говорят, по 12 тухумов каждый). Стремление к достижению власти объясняется тем, что кадровые вопросы в селении «на 80 % решаются по родственным связям», а это рабочие места и определенные доходы. В перспективе же ожидается, согласно вводимому федеральному закону, что муниципальные образования будут иметь возможность получать крупные кредиты у банков, а где будут кредиты, там появятся и барыши для лиц, причастных к распределению.

В марте 2007 г., когда проходили выборы главы сельской администрации, страсти настолько накалились, что между представителями разных блоков происходили драки, и из райцентра Агвали в Хуштаду прибыли два наряда милиции. Предельная эмоциональность во время выборных кампаний в целом характерная черта современной жизни Дагестана. Хуштадинцы рассказывают, что в одном из соседних селений в подобной ситуации подали на развод более десяти семейных пар, так как супруги представляли разные кланы и, соответственно, поддерживали разных кандидатов. В самой Хуштаде один местный житель в последние выборы вместе с семьей покинул селение, потому что оба кандидата приходились ему родственниками. И имам Макка-Шарип поступил так же, ибо каждый блок кандидатов усиленно агитировал его публично принять свою сторону, а он стремился этого избежать.

Сторонники победившего на этих выборах Шамиля Ахмедова с гордостью рассказывают о создании ими накануне выборов *штаба*, который хорошо провел организационную работу, результатом чего и стала победа их кандидата. Члены *штаба* распределили между собой круг лиц, включавших родственников и друзей, за голоса которых на процедуре выборов каждый из них отвечал. В итоге оказалось, что в прогнозах ошиблись на 5 человек. В выборах принимало участие взрослое население всех трех селений, входящих в состав муниципального образования «Хуштада»; из Ново-Хуштады людей привозили на выборы на автобусах.

Здесь же следует отметить, что выборная кампания 2007 г. фактически началась гораздо раньше, и блоки разных групп населения сформировались еще в выборах 2002 г. Различие позиций и возможностей блоков заключалось в том, что инициативный костяк одного из них составляют хуштадинцы, прочно закрепившиеся в районных структурах власти и стремящиеся (по оценке противной стороны) стать абсолютными хозяевами в родном селении. Представители второго блока не имели своего лобби на районном уровне. В

2002 г. хуштадинцы избрали депутатов сельской администрации, которые должны были выбрать главу администрации, однако этого не произошло. Депутаты, представлявшие разные блоки, вступили в конфронтацию между собой и не были способны прийти к единому мнению; больше года жизнью селения руководил 70-летний старик. Затем перевес все же оказался на стороне второго блока, и главой муниципального образования в 2004 г. стал Шамиль Ахмедов (1962 г. р.). Ситуация повторилась в выборную кампанию 2007 г., приняв еще более острую форму.

Кандидат от первого блока в своих предвыборных выступлениях обещал многого добиться при поддержке районных властей. Ш. Ахмедов был более сдержанным в обещаниях, апеллируя к уже достигнутым начиная с 2004 г. результатам. Таковые заключались в следующем: с гор были проложены три ветки водопровода, и ныне 130 хозяйств обеспечены водой (по словам самого Ш. Ахмедова, ни в одном селении района такого водопровода нет); после 8-летнего перерыва возобновился полив садов в Теснхаре, сады поделены между детьми тех, кто организовывал их во времена функционирования колхоза (на каждую группу родственников, кровными узами связанных с устроителями садов, выделено по 7 абрикосовых деревьев, которые они могут распределять между собой по собственному усмотрению); урегулирован и контролируется порядок выпаса скота за пределами селения; произведен ремонт дороги, связывающей Хуштаду с райцентром; в селении построен спортивный зал, где молодежь занимается баскетболом, волейболом и борьбой (он строился методом народной стройки, однако финансовые средства выделила сельская администрация, хотя первоначально их предполагали использовать на ремонт здания самой администрации). Он пытался добиться, чтобы деньги (по 40 тыс. руб. в месяц, итого за летний сезон — 120 тыс. руб.), которые бывший директор приватизированного завода в Агвали вносил за использование пионерского лагеря завода, располагающегося на землях Хуштады (там регулярно проводятся сборы республиканских спортивных команд), перечислялись бы в бюджет муниципального образования «Хуштада», а не района, где они теряются (если, как говорят хуштадинцы, вообще поступают). Шамиль Ахмедов победил во втором туре выборов 2007 г. с незначительным преимуществом.

Вместе с главой администрации текущие вопросы жизни муниципального образования решают депутаты: их 5 от Хуштады, 2 — от Теснхары, 3 — от Ново-Хуштады (в Ново-Хуштаде общественной жизнью поселения руководит председатель СПК). «Депутатами становятся те, у кого больше родственников». В последнее время депутатами от Хуштады являлись: бухгалтер сельской администрации, водитель маршрутки, мастер по текущему ремонту школы, человек, занимавшийся строительными работами в Москве (его избрали родственники), человек, занимавшийся «луковым бизнесом» в Ростовской обл. и др. Средний возраст депутатов 30—35 лет, пенсионеров среди них нет. Глава администрации и его заместитель должны подчиняться решениям депутатов. В местном депутатском корпусе нынешний глава администрации Ш. Ахмедов имеет поддержку трех хуштадинских депутатов, всех теснхаринцев и двух новохуштадинцев. Бюджет муниципального образования в 2007 г. составлял 1 млн. 750 тыс. руб., из них 76 тыс. руб. — это доходы, формирующиеся из имущественного и подоходного налогов, собираемых с населения, остальные деньги — дотации государства. Депутаты распределяют деньги бюджета, решают вопросы благоустройства.

Заметную роль в общественной жизни селения играет так называемый координационный совет. При нормальном течении дел в муниципальном образовании он собирается раз в год или же в экстренных случаях: решает вопросы, связанные с выборами, земельные споры (таковые в последние годы были с соседними селениями Тисси и Кванада из-за пастбищных гор), конфликтные ситуации среди «своих» (кража невесты, земельные споры и др.). По старой памяти координационный совет еще называют и «двадцаткой». Его возглавляет заместитель прокурора района, уроженец Хуштады, а входят в него председатель совета имамов района М.-С. Газиев, имам хуштадинской мечети, директор школы, глава сельской администрации и его заместитель. Примечательно, что в начале 2007 г. координационный совет обсуждал вопрос о выдвижении кандидатов в районное собрание и в Народное собрание РД. За рекомендованных советом джамаату кандидатов население проголосовало. А вот по кандидату на пост главы муниципального образования члены координационного совета тогда договориться не смогли.

Высшим же органом власти официально считается сход, который должен собираться не реже двух раз в год. В сходе принимают участие все обладающие избирательным голосом сельчане.

Общественный быт

Общественный быт складывается из многих составляющих. Не возьмемся описать его как целостное явление. Здесь будут представлены заметки, характеризующие общественный быт современной Хуштады.

Изменения последних десяти-пятнадцати лет в политической, экономической, общественной жизни страны, частью которой является Республика Дагестан, неизбежно повлекли за собой изменения в быте и конкретного селения. Смена идеологических акцентов в практиках местного (дагестанского) общества (хотя на республиканском уровне подчеркивается, и в целом небезосновательно, что РД является светской государственной структурой) обусловила то, что памятник односельчанам, погибшим в Великую Отечественную войну, был разорен, зато могилы трех местных шейхов, над которыми сооружен павильон, выглядят праздничным украшением селения. Это, пожалуй, самое знаковое изменение в общественном быту хуштадинцев. Нам известны похожие примеры (в Дагестане) попыток уничтожения или осквернения памятников землякам, погибшим в войну, но там памятники представляют собой монументы с фигурами воинов, что само по себе якобы противоречит канонам ислама. Здесь же памятник — пирамидальной формы обелиск, на котором были закреплены изображение вечного огня и металлические пластины с фамилиями погибших односельчан. Однако в 1999 г. особо рьяные приверженцы ислама (в народе их называют ваххабитами) объявили памятник элементом «русской культуры» — чужеродной местным, в том числе религиозным, традициям. В итоге «вечный огонь» был сбит и ныне утерян, а пластины с фамилиями погибших односельчан унесены учителями и ныне хранятся в школе. Недовольных расправой с памятником в селении достаточно, однако уже несколько лет он остается в разоренном виде. Очевидно, его восстановление «не к месту».

При этом нельзя сказать, что современные хуштадинцы отличаются особой религиозностью. Они как раз кивают на соседей кванадинцев, у которых

новые порядки более жесткие и строже контролируются. Впрочем, в обоих селениях запрещена продажа алкогольных напитков, а в Кванаве вроде и табачных изделий. Однако приобрести желаемое зелье не составляет труда в районном центре, а «хорошо посидеть» можно в расположенном над селением лесу либо в бывшем пионерском лагере. Среднее и старшее поколение местных жителей порой с ностальгическими нотками вспоминает прежние времена.

До перестройки тех, кто приходил на местный годекан невыпившим, стыдили: «Ты что, жены боишься или денег нет?» Потом мулла строго объявил, что не будет хоронить, не будет приходить в дома пьяниц. Муллой (имамом) был М.-С. Газиев. Его поддерживали аксакалы, они организовали «двадцатку» уважаемых людей из представителей каждого тухума. Члены «двадцатки» ходили по домам и выливали хмельные напитки (*мед*, *члагла* — оба типа бузы) местного изготовления. С начала 1990-х гг. на свадьбах «веселья» не устраивается, совершается только *мавлид* (религиозный обряд). «Но на столах есть все, что дарит земля, — ананасы, кокосы — обходится (угощение) дороже, чем прежде».

За прошедшие сравнительно немногие годы заметно изменился праздничный календарь и сам порядок празднований.

В 1994 г. впервые был организован день села, приехало много хуштадинцев, ныне живущих в городах, и т. д. Но старики запретили употребление спиртных напитков. Компании мужчин уходили «повеселиться» в лес, однако старики ругали их в мечети «и за это». На следующий год приехало много меньше гостей, на следующий — еще меньше. В итоге лет через пять праздник перестали проводить, а потом возобновили, организуя раз в три года.

Праздник «первой борозды» (*оцбай*) проводится, мулла не возражает против него, так как он воспринимается религиозным (мусульманским) праздником. Оцбай организывает кто-либо из состоятельных сельчан — представитель одного из трех основных кварталов (старого) селения (которые в качестве более привычного определения называют *тухумами*): у него должно быть два быка, должен быть плуг, должен быть достаток в хозяйстве («если будет собирать по хозяйствам, то селению не будет *баракат*, т. е. благополучия»); однако родственники помогают ему в проведении праздника финансово и продуктами). Если нет желающего взять на себя организацию оцбай, то такового назначает старейшина *тухума*, которому пришла очередь его проведения. Если же *тухум* в целом не готов взять на себя такую миссию, то вызывается другой *тухум*. Но старики говорят: «Коль скоро *тухум* не готов „исполнить“ (долг), то его надо расформировать, как некогда произошло с тухумом *хъазахъ'ов*» (*хъазахъ'*ами в Западном Дагестане называют потомков пленников, которых местные горцы некогда приводили из походов/набегов в Грузию; хуштадинские *хъазахъ'*и якобы никогда не принимали участия в общественных делах, «не подчинялись законам села», и их *тухум* Букьягъай «раскидали» по другим *тухумам*, велели расселиться по разным кварталам).

Вместе с тем целый ряд общественных мероприятий, они же — увеселения, которые до начала 1990-х гг. являлись немаловажной составляющей жизни сельчан, что хорошо сохраняется в памяти 30—40-летних людей, ныне ушли в прошлое. Если в то, еще недалекое, прошлое подростки азартно участвовали в свадьбах, так как было принято, что после первой брачной ночи молодая разбрасывала из окон дома, где произошло ее превращение в женщину, сладости (орехи, конфеты и т. п., это называлось *яшйиш*), и для подростков это становилось захватывающе-радостным событием (особенно если свадеб в

один день было 2 или 3; они ходили «за *яшишу*», под окнами каждого дома новобрачных выкрикивая «Орй-орй-орй», и боролись за сладости, подбирая их с земли), то ныне подобного не происходит. «Из-за сладостей дети уже не пойдут ползать по земле, для них проще и привычнее пойти за *snikers'*ом в магазин».

А еще в 1980-е гг. в селении праздновали «баранью свадьбу» *анлъваль бертен*, когда происходила случка баранов и овец после возвращения отар с летних высокогорных пастбищ. Это происходило во второй половине октября, и к данному событию подростки изготавливали маски, делали костюмы, дабы не быть узнаваемыми; если кого узнавали, то он выбывал из «действия». Партий ряженных подростков было три — по количеству отар, которые ежегодно собирались в селении. Группы подростков ходили по селению, собирая подарки продуктами от взрослых сельчан-домохозяев. Когда же две партии встречались, между ними завязывались драки; дрались по-настоящему, используя палки, камни. Побеждать было очень и очень желательно, так как в отаре победившей стороны должен был быть лучший приплод скота. Теперь данный праздник ушел в прошлое (ведь и полноценных отар, со «старой» точки зрения, уже нет).

Вышли из практики регулярные собрания вечерами на годекане мужчин и женщин, где между парами происходили соревнования — какая какую перепоеет; каждый раз необходимо было сочинить новый стихотворный куплет. И подростки ныне не устраивают шалостей в «ночь вознесения пророка на небо» *лайла-тул-кадар*, когда считалось позволительным в ночной тиши пугать стариков.

Но в те же 1990-е гг. вошло в обыкновение пожилым людям делать прижизненные *садакъя* (раздавать своеобразную милостыню) — «чтобы тебе было воздаяние», тогда как до этого подобное совершалось родственниками после смерти человека. По данному поводу режут быка, пекут хлебные лепешки по количеству односельчан; мясо и хлеб раздаются.

Говорить, что подобные изменения в общественном быту хуштадинцев (как, впрочем, и жителей многих других горско-дагестанских селений) произошли единственно в силу возросшей роли ислама, будет неверным. Влияние религии, но на особый лад, здесь всегда было значительным. К сказанному можно добавить, что в Хуштаде, по крайней мере с 1960-х гг. и по настоящее время, функционирует своеобразная женская мечеть (точнее, молельный дом *къурма* для женщин), так как, по старинному обыкновению, имевшему распространение в ряде горных районов Дагестана, женщинам запрещалось пребывать в сельской мечети, которая считалась местом отправления культа мужчинами. В новой джума-мечети Хуштады женщины располагаются на втором ее ярусе, хотя продолжают пользоваться и находящейся в центре селения небольшой постройкой *къурма*. Тридцать-сорок лет назад районная партийная власть регулярно делала замечания главе хуштадинского сельсовета по поводу наличия подобного молитвенного дома, а он небезуспешно отговаривался тем, что данная постройка не мечеть, а баня. Подобная деталь в целом не очень значительна, однако она расширяет представления о характере религиозной составляющей общественного быта в недалеком прошлом.

В «традиционном» горско-дагестанском обществе значимую роль играли семейно-родственные структуры — *тухумы*. В новых условиях их значение не столь велико, как прежде, но солидарность родственников остается актуальным аспектом бытия. У некоторых хуштадинских тухумов имеется своя

общественная касса — *банк*. Суммы и регулярность взноса не оговариваются. Кассу хранит старейшина тухума. Он не посвящает сородичей в то, кто и сколько денег внес в кассу. Общественные деньги используются на то, чтобы помочь кому-нибудь из сородичей построить дом, купить квартиру или же «отмазать» от судебного преследования [ПМЮК, № 1836: 2 об.—25 об.].

* * *

Колхозная система организации хозяйственной деятельности в какой-то мере удовлетворяла материальные и социальные потребности населения — малоэффективные горные колхозы в большинстве своем получали дотации от государства, денежные пособия на детей (а многодетных семей до последнего времени было весьма и весьма много) служили дополнением к доходам от индивидуальных хозяйств, а сезонные заработки в других регионах страны позволяли укреплять семейные хозяйства и пополнять их имущество. Общее, но далеко небезосновательное замечание — колхозная система местным населением воспринималась отчасти созвучной системе жизнедеятельности общины, позднее — *сельского общества* (по государственному регламенту, введенному в ходе реформ второй половины XIX в.), которые функционировали до начала коллективизации¹³. Отчасти благодаря этому горское селение до сих пор еще и сохраняется как таковое. Хотя именно в последние годы оно переживает тяжелые времена.

Политические преобразования начала 1990-х гг. в стране и в республике совместились с глубоким экономическим кризисом. Устремления и попытки реорганизации порядка общественной и хозяйственной жизни на местах, на первый взгляд, отличала осмысленная направленность — возвращение к умоглядно-исконным формам бытия. К «ним», потому что федеральная власть предложила населению страны самоорганизовываться и выживать, кто как может. С этой целью в очень многих горных селениях Дагестана их жители задались мыслью перераспределить земли и вернуться к «дедовским» земельным наделам¹⁴ (часто сохраняя при этом и колхозы как относительно нефор-

¹³ Относительно порядка жизнедеятельности сельского общества сошлюсь на мнение авторитетного исследователя дагестанской общины М. А. Агларова, который пишет: «Ценнейшим политологическим опытом того времени (второй половины XIX в. — *Авт.*) явилось и возрождение колониальными властями сельского самоуправления на основе модернизированных адатов. Было сохранено прежнее административное деление в виде наибств, что соответствовало тысячелетнему этноадминистративному укладу горцев. Местные джамааты получили статус сельских обществ. Было возрождено (ликвидированное в имамате. — *Авт.*) выборное сельское управление по дошамилевским старинным образцам. Созданы выборные сельские суды, которые имели разновидности: суды по шариату, суды по адату, словесные суды, маслаат... За сельскими обществами сохранялось право законодательной инициативы и законодательной функции... Частичное возрождение самоуправления и возвращение горцев к гражданскому состоянию снова открыли горцев... Это был новый чрезвычайно богатый и актуальный опыт самоуправления „при властях“» [Агларов 2002: 65].

¹⁴ Земельные переделы почти неизбежно сопровождались конфликтами. «В большинстве случаев претензии предъявлялись к наиболее плодородным массивам земли, а результат первых переделов таков: сотни жителей села остались без приусадебных участков. И наоборот, „наследники“, завладев „дедовскими“ угодьями, стали,

мально согласованные с «джамаатским» порядком организации жизни сельского коллектива). Перераспределение же наделов было возможно при обращении к практикам, регламентированным мусульманским правом. И уже данное обстоятельство предопределило рост авторитета лиц, обладавших соответствующими знаниями. Возрастание значения исламского духовенства происходило в условиях ломки прежней идеологии (при том что в оценках государственной политики симпатии населения были на стороне коммунистов, и это обуславливало устойчивые позиции республики в «красном поясе» избирательных кампаний в стране). Такой ситуация в общих чертах была в середине 1990-х гг. К этому времени в согласии с изменившейся обстановкой трансформировались и идентичности. Считаться мусульманином стало престижно, популярно (см.: [Бобровников 2002б: 99 и след.; Карпов 2007: 583 и след.]), а равно необходимо практически, ведь земли могли быть перераспределены в согласии с мусульманским правом. Параллельно на подъеме была и общинная солидарность, которая выражалась, в частности, в отстаивании прав на владение земельными угодьями перед соседями (в частности, в эти годы между селениями Кванада и Хуштада крайне обострился спор о пастбищной горе), а также в организации дней села. Противоречия внутри данного микрообщества носили преимущественно частный характер.

Когда же население уяснило (а произошло это к началу 2000-х гг.), что при существующей в данный момент экономической системе прокормить семьи с наличной земли (личной/частной или находящейся в коллективной собственности) невозможно (либо крайне трудно), то споры о границах прекратились или были заморожены до другой ситуации и момента. Более актуальными и продуктивными стали заработки на стороне. А при массовом оттоке населения на сезонные и другие работы, при изрядном количестве заброшенных земель у людей стал пропадать интерес выяснять права на участки, угодья и т. д., но равно и, что важнее, стало пропадать желание возделывать землю, о которой чрезвычайно пеклись их отцы и деды¹⁵. При подобных обстоятельствах корпоративные начала, которыми так славилась «старая» дагестанская община и которые хотя и в трансформированном виде, но сохранялись в рамках колхоза, дали ощутимую трещину. Это является следствием изменившихся общественных практик, но, в свою очередь, и сами подобные изменения влияют на коллективные и индивидуальные практики.

Относительно судьбы селения Хуштада, равно как и большинства других селений горной зоны Дагестана, можно сказать, что оно находится в предопущении эффекта «разбегания» или нового и более масштабного по сравнению с 1950-ми гг. этапа раскрестьянивания социокультурной среды местных горцев.

по сути, самопровозглашенными помещиками. Между некогда добрыми соседями и даже близкими родственниками разгоралась вражда, переходящая в ненависть» [Далгатов 1996].

¹⁵ В конце первого десятилетия XXI в. заброшенных участков в абсолютном большинстве горных селений стало еще намного больше.